

Постмодернистская арабеска

Н.А. Орлова

Представлена интерпретация публикации А.В. Смирнова «Процессуальная логика и ее обоснование» как сложного постмодернистского текста, построенного на наложении различных металогических приемов: аллегории, парадокса, иронии, фантазма, провокации и пророчества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: постмодернистский текст, силлогизм, металогизм.

ОРЛОВА Наталия Александровна – Московский физико-технический институт (НИУ), Московская область, г. Долгопрудный, 141701, Институтский пер., д. 9.

Кандидат философских наук, руководитель департамента социально-политических наук УНЦ гуманитарных и социальных наук МФТИ (НИУ), старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

ornatanew@gmail.com

Статья поступила в редакцию 28 апреля 2019 г.

Цитирование: Орлова Н.А. Постмодернистская арабеска // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 34–39.

Публикация А.В. Смирнова «Процессуальная логика и ее обоснование» [Смирнов 2019^а] представляет собой не столько лапидарный логический трактат об арабском силлогизме, как это может показаться на первый взгляд, сколько постмодернистский игровой текст, насыщенный замещающими друг друга (находящимися в аллегорическом отношении) металогизмами¹. Поэтому неудивительно, что публикация спровоцировала жаркую дискуссию специалистов разных направлений (В.А. Лекторский, В.В. Васильев, И.Ф. Михайлов, В.И. Шалак, В.К. Солондаев), в которой каждый смог развернуть тот или иной увиденный им аспект. И хотя просто просуммировать увиденные аспекты не значит увидеть «слона» (текст-игру) целиком, для начала все же рассмотрим ряд использованных металогических приемов.

Металогизм 1. Парадокс, выдающий себя за самопрезентацию дедуктивного умозаключения

Самоаттестация в некоторых случаях вполне может оказаться металогизмом, как, например, самоаттестация: «Я лжец», создающая логический парадокс. Появление в первых строчках публикации П-силлогизма выглядит как выход на сцену главного героя классической пьесы – некоего скромного чиновника N, который, честно отрекомендовавшись («Я – силлогизм»), далее описывает некоторые эпизоды своей житейной истории. Однако простой эта самопрезентация является только на первый взгляд. Наш герой и выглядит не как силлогизм, и ведет себя не как силлогизм, однако, называя себя «Силлогизмом 1», тем самым как бы заявляет, что уже принят в сообщество силлогизмов, да еще на правах «первого». При этом его самопрезентация

далее раскрывает зрителям удивительные вещи: что он являет собой особое «процессуальное» мышление (а не только скромную разновидность силлогизма!), радикально отличающееся от европейского «субстанциального» мышления, представленного «Силлогизмом 2». Отринув родовидовое подчинение и всякое чинопочитание, наш П-силлогизм объявляет себя краеугольным камнем, на котором выстроено здание арабомусульманской культуры. Такое постмодернистское нарциссическое расщепление («я – разновидность силлогизма, я – принципиально иное мышление»), достойное шизонализа, представляет собой парадокс, в котором, однако, следует видеть не столько логическую уловку, сколько военную стратегию, поскольку парадокс, мимикрируя под дедуктивное умозаключение, на «втором» уровне игровых превращений становится непознанной аллегорией, являя собой изощренный постмодернистский игровой прием. Его цель – вынудить оппонентов принять самопрезентацию за чистую монету и начать воевать с собственными реконструкциями. Посмотрим, какими они могут быть.

Первая приходящая на «европейский» ум реконструкция – это попытка доказать, что П-силлогизм – обычный силлогизм, известный европейской аудитории уже две с половиной тысячи лет. Но чтобы превратить нашего героя в искомое, нужно эксплицировать общую посылку, которой в П-силлогизме, естественно, в явном виде нет.

1. Андрею нравится беллетристика	$A = (П1) \Rightarrow B$
2. <i>Потому, и только потому</i> , что беллетристика воздействует на его воображение	$B = (П2) \Rightarrow V$
3. <i>Также и</i> героические истории воздействуют на его воображение	$\Gamma = (П2) \Rightarrow V$
4. <i>Тогда</i> Андрею нравятся героические истории	$A = (П1) \Rightarrow \Gamma$ [Смирнов 2019 ^a , 6].

«Героические истории» и «беллетристика», скажет попавшийся оппонент, относятся к классу «воздействующего на воображение», поэтому при переформулировании получим:

Все воздействующее на воображение нравится Андрею.

Героические истории (беллетристика) воздействуют на воображение.

Героические истории (беллетристика) нравятся Андрею.

Но когда все видят черты хорошо знакомой Барбары (Barbara), оппоненту указывается: «Не нужно вчитывать в текст того, чего в нем нет, а именно – общей посылки!»². Указание на то, что общая посылка все же есть, ничего не доказывает, ведь мало ли что подразумевается, попробуй-ка, ухвати!

Тогда задетый за живое логик, стукнув кулаком по столу, может сказать: «По общим правилам силлогизма, раз нет общей посылки, то это вообще не силлогизм, будь он хоть “П”, хоть “А” (арабский, например)!»³. На это утверждение игра делает новый виток, и П-силлогизм, как опытный постмодернистский персонаж, совершает новый кульбит: «Так ведь и посылка у меня не две, а три! Да и терминов – не три, а то ли четыре, то ли шесть! Я же ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ силлогизм, тут все дело в процессах, а не в классах и их сочетаниях!». Тут логик теряет дар речи: что за диковинный зверь?!

Однако, собравшись с мыслями, он начинает новое разоблачение: это вообще не дедукция, это – аналогия, что легко видно, если поменять третье и четвертое суждение местами:

$A = (П1) \Rightarrow B, B = (П2) \Rightarrow V$

$A = (П1) \Rightarrow \Gamma, \Gamma = (П2) \Rightarrow V$

Но текст и тут выворачивается: да, целый ряд западных и наших ученых видели в Силлогизме I аналогию (с. 11), но «потому, и только потому, что» они – европейского склада ума, для которого аналогия – это индуктивное умозаключение, не обладающее аподиктичностью. Более того, «Ибн Хазм (994–1064), выдающийся факих, глава захиритской школы исламского права» отказывается от умозаключения по типу Силлогизм I, «характеризуя его как “бессвязное”, “путаное”, “невнятное” и подчеркивая, что оно ничего не означает, а если бы означало, то было бы пустым притязан-

нием, ничем не подтвержденным» [Смирнов 2019^a, 12], так что и сами арабы не признавали Силлогизм 1 за силлогизм! Но ведь то были «какие-то неправильные» арабы, отравленные аристотелизмом и греческой логикой, поэтому их упреки — это упреки все тех же европейцев. «Правильные» арабы мыслили иначе, поэтому были вынуждены отказаться от хорошо известного им Силлогизма 2 и изобрести новый Силлогизм 1, более соответствующий их процессуальному мышлению и грамматике арабского языка. «Удивительным свойством классического арабского является тот факт, что этот язык (1) не использует связку “есть”, (2) не использует никакое связочное слово и (3) не имеет в своем словарном составе глагола “быть”» [Там же, 13]. Но при чем тут логика? — спросит логик. Неужели автор текста придерживается мнения ас-Сирафи, арабского грамматика, что «логика представлена грамматикой» [Там же, 14]? И получив подтверждение («...мы скорее согласимся с ас-Сирафи...» [Там же]), не верит своим глазам, тем более что выше черным по белому написано, что язык не определяет мышление, хотя «предпочитаемые языковые формы дают нам знать о предпочитаемых когнитивных моделях» [Там же].

Тут логик облегченно выдыхает — «когнитивные модели» не исчерпываются дедуктивными умозаключениями, аналогия — тоже когнитивная модель, и даже тропы — когнитивные модели! При чем тут силлогизмы? Да и в русском языке со связкой «быть» тоже не все хорошо, настолько, что теперь невпопад говорят «имеет место быть» (вместо «имеет место»), чтобы уж как-то «зацепиться» за ускользающее «бытие», но у нас силлогизмы не вызывают отторжения, даже если студенты их плохо усваивают и не сразу сдают на экзамене. Может быть, мы больше европейцы, чем нам кажется? Или, наоборот, поскреби русского — найдешь араба, ведь у нас тоже глаголы — важней некуда. Может, поэтому только нам и дано понять и растолковать арабскую мысль?

На это текст указывает, что существо дела в «сцеплении двух процессов» словами «потому, и только потому, что»⁴ (почему-то отличающимися от европейского варианта «если и только если», вводящего необходимые и достаточные условия и называемого во всех учебниках «эквивалентностью»), благодаря которым арабская «аналогия», которой широко пользовались исламские правоведы-факихи, построена иначе, становясь полноценным дедуктивным умозаключением (не могли же правоведы столько столетий ошибаться, да еще зная о Силлогизме 2!).

И в качестве доказательства правоты правоведов текст дает еще один пример, на этот раз про вино и запрет «любого опьяняющего напитка» [Там же, 12]. Ну вот же она, общая посылка! — ликует оппонент. Но не тут-то было, ведь это и есть известный арабам Силлогизм 2, отвергнутый правоведами ради более им близкого по духу (или по букве?) Силлогизма 1, где два процесса связаны связкой «потому, и только потому, что»! Но тайна «двух процессов» остается тайной, большей чем «тайна двух океанов», а связь их магической формулой «потому, и только потому, что» еще загадочно подмигивает.

Оставив в стороне формализации и пробуя зайти с другой стороны, через критику приведенных конкретных примеров, оппонент тут же проваливается в зыбучие пески то ли арабских, то ли русских постмодернистских языковых игр, позволяющих осуществлять любые понятийные кульбиты. Однако за этими языковыми грамматическими приемами ступевывается само требование текстом контрпримеров, которое вновь отсылает к постмодернистской игре, ведь никакая КЛАССИЧЕСКАЯ ЧИСТАЯ ФОРМА не станет взывать к перечислению примеров, так как примерами не фальсифицируема в принципе. Трудно представить, чтобы достопочтенная Barbara требовала разоблачать ее примерами! Покровительствуя любым «классам» и «субстанциям», забавляясь даже с «хливкими шорьками, пыряющимися по наве», Barbara сама по себе всегда остается ГАРАНТИРУЮЩЕЙ ИСТИНУ и ПРАВИЛЬНОЙ ПО ФОРМЕ, не завися ни от какого содержания.

Поэтому можно предположить, что самоаттестация П-силлогизма — это на самом деле аллегория, в которой парадокс, выдавая себя за логическую конструкцию, претендует на то, чтобы донести до публики какое-то совсем иное, *металогическое* послание.

Металогизм 2. Ирония, закамуфлированная под фантазм

Как говорят психотерапевты, кто не понял первую фразу пациента, будет лечить его шесть лет. Не удивительно, что одним из постмодернистских игровых приемов является прием психоаналитический. В тексте он подан сразу же, в виде первого примера П-силлогизма про Андрея, которому нравится «воздействующая на воображение беллетристика».

Фантазм – сама по себе уже хитрая металогическая фигура. Например, ребенок боится лошадей, а при анализе выходит, что вовсе не лошадей, а отца. Смещение, подмена – типичные приемы, которыми пользуется фантазм, чтобы оставаться неуловимым. Любовь «Андрея» к «беллетристике» снова нам сигнализирует о том, что перед нами вовсе не логический трактат, а «художественная литература», «воздействующая на воображение». Воображение ведь тоже «разворачивает связность» [Смирнов 2019⁶], и поэтому образное мышление как вид мышления имеет убедительную силу, подчас большую, чем любые силлогизмы. Но было бы оплошностью подумать, что мы имеем дело с честным классическим фантазмом, эдакой, как любят сейчас говорить, «оговоркой по Фрейд», что, мол, автор бессознательно проговорился о себе и о своем тексте. Ведь текст подсказывает: процессы, не субстанции! Не «Андрей», не «беллетристика»! У вышеназванных процессов «нравиться» и «воздействовать на воображение», конечно, есть атрибутанты, но они как бы исчезают в потоке процессуального действия, «протекания, а не бытия» [Смирнов 2019^a, 7], где все свершается как бы само собой, где никто и ничто (никакая субстанция или, тем паче, субъект) не несет ответственности ни за процесс, ни за его результат⁵. В таком мире никто никого не может схватить за руку, потому что нет ни руки, ни того, кому рука принадлежит. «Андрей» и «беллетристика» растворяются в чистом «нравиться» и «воздействовать». Поэтому перед нами даже не улыбка Чеширского кота (это ведь хоть и призрачная, но субстанция), а улыбание как таковое, в том смысле, как говорит современная молодежь: «Улыбнуло!». «Ничто ничтожит» (М. Хайдеггер), процесс (проседете «выходить, продвигаться»), как говорится, «идет».

То, что процессов два, – это тоже не более чем шизоналитическое расщепление, расслоение, очередная обманка восприятия. Ведь если «нравится потому и только потому, что воздействует на воображение» и больше ни по какой причине, то «нравиться» и «воздействовать на воображение» – это синонимы. Процессы из следующих примеров: «проведение тепла» и «нагревание», «указание на [магнитный полюс]» и «притягивание [стрелки компаса]» обнаруживают то же синонимическое свойство. Когда мы смотрим на два слова, кажется, что мы имеем дело с двумя процессами, но процесс один! Более того, – скажет любой метафизик, – там, где нет признаков, объектов и классов, у нас **ВООБЩЕ** один фундаментальный процесс, не расчлененный в себе самом. Вот у китайцев, например, единая прасубстанция *ци*, ее видоизменения – единый процесс перемен. Как только появляются признаки, появляются и «классы» (янский и иньский), Небо и Земля, а между ними десять тысяч вещей (не важно, понимать ли их как «тела» или как «дела»). Но если признаков (классов) нет, то нет и процессов, одно сплошное единственное «протекание, а не бытие». Дотошный оппонент-хайдеггерианец скажет, что «протекание» не отменяет бытия, ведь бытие и сущее – разные онтологические уровни, и если нет сущих («классов»), это еще не значит, что нет бытия, ведь «человек» тоже не «наличное бытие», «сущее», а *Dasein*, «присутствие» (пер. В.В. Бибихина). И это еще одна реконструкция, с которой борется теперь уже оппонент-философ. Ведь в постмодернистском тексте **ЕСТЬ** субстанции: есть и «Андрей», и «беллетристика», есть «ковш» и «вино»! Они и есть, и их нет. Это уже не Чеширский кот, это кот Шредингера! Это не улыбка, это – ирония!

Но как высшая ирония звучат слова текста о том, что мышление европейцев и арабо-мусульман столь различно, что это вообще два типа разума⁶, словно перед нами инопланетяне, а не люди с планеты Земля. И за все столетия межкультурного общения никто не смог увидеть этой радикальной, непроходимой пропасти, мостиком над которой явился П-силлогизм. «Ведь *Силлогизм 2* известен две с половиной тысячи лет, тогда как *Силлогизм 1* до сих пор не обсуждался в том виде, в каком я его представил» [Там же].

Металогизм 3. Пророчество, явленное как провокация

И это уже явная провокация, причем такого размаха, что дух захватывает и в глазах темнеет. Это уже не по департаменту логики, методологии и культурологии или даже философии, с ее скучной рациональностью и аргументацией, это как удар молнии, глас из неопалимой купины. Реконструированная оппонентами аргументация, сводящаяся к тому, что мы все же понимаем друг друга, переводим тексты, общаемся и торгуем, рассыпается в прах, поскольку не затрагивает «океанической» глубины провокативного заявления о том, что «разум изначально множествен» [Там же] и играет с нами в игру, быть может, более странную, чем игра Мирового Разума в изложении Г.В.Ф. Гегеля. Единый мировой разум не исключает, а включает в себя все виды разума, все формы духа. Изначально Множественный Разум не гарантирует такого включения. И то, что он все же «разум», не дает гарантии на бытие, в котором так комфортно расположился разум европейский. Кристаллизация бытия не гарантирована протеканием процесса. А какого процесса — никем не определено, процесс идет сам собой... Тут уж кому что подскажут «героические истории» и «воздействие на воображение».

Постмодернистская игра и ее саморазоблачение

Так текст подходит к кульминации, и П-силлогизм уступает место другому персонажу, Изначально Множественному Разуму. П-силлогизм был лишь его «тенью», его «знаком», его «симптомом», его аллегорией. Изначально Множественный Разум — чем не постмодернистский персонаж во всей своей красе! Разум расщеплен, расколот, разбит, полифоничен. Это ли не главный симптом постмодернизма?

Так может, перед нами текст как самоирония постмодернистского разума? И не в этой ли самоиронии — главное послание, «логика смысла» и пророчество, которое, как любой оракул, как «бабка надвое сказала», может привести к совершенно различным исходам? Или, может, вовсе не ирония, а пафос — главный драйв и нерв текста, который не столько прославляет непонятый европейцами арабский силлогизм, а замысловатой, как арабская вязь, аллегорией призывает европейский разум, заигравшийся в постмодернистские игры, очнуться от их опьяняющего воздействия, ибо нет лучшего способа вернуться к яви, как увидеть о ней яркий, «воздействующий на воображение» сон?

Примечания

¹ Металогизмы «изменяют логическую значимость фразы» [Авеличев (ред.) 1986, 67], к ним относят литоту, гиперболу, плеоназм, эвфемизм, аллегорию, парадокс, иронию, молчание и т.п. [Там же, 228].

² «Более того, любой П-силлогизм можно переформулировать как С-силлогизм, введя общую посылку, но *тем самым перестроив его*, а не сведя к С-силлогизму» [Смирнов 2019⁶, 50].

³ «По крайней мере одна из посылок должна быть общим суждением» [Ивлев 1994, 93].

⁴ «Сцепление двух процессов через единое звено концептуализировано в моем формальном представлении *Силлогизма I* как выражение “потому, и только потому, что”. В исходном арабомусульманском материале используется термин ‘*улла*’ — “причина”, “обоснование”. Это — не что иное, как категория причинности. Здесь, в процессуальном силлогизме, в отличие от субстанциальной логики, она органично рационализируется на уровне исходной интуиции. Причинность и есть одновременный запуск двух процессов» [Смирнов 2019⁶, 9].

⁵ «Для мутазилитов первичная реальность — это процессы (*af’āl*), а не субстанции. Рационально объяснить мир — значит свести его многообразие к конечной типологии закономерных процессов, протекающих между действующими и претерпевающими. Позже эта линия получила блестящее развитие в философском суфизме... Эта неаристотелианская линия в арабомусульманской философии основывается на процессуальной, а не субстанциальной логике и картине мира» [Смирнов 2019⁶, 13].

⁶ «...разум изначально множествен, а не един. Представление о фундаментальном единстве разума, спроецированное на представление о фундаментальном единстве бытия, всегда служило руководящей нитью и регулятивной идеей европейской философии. Только это заставляло искать единый исток и бытия, и мысли, отталкиваясь от эмпирической множественности и мира, и знания, и полагая идеальное единство начала и того, и другого...» [Смирнов 2019⁶, 7–8].

Ссылки – References in Russian

Авеличев (ред.) 1986 – Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаенберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тринон А. Общая риторика. Общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. М.: Прогресс, 1986.

Ивлев 1994 – Ивлев Ю.В. Логика. М.: Наука, 1994.

Смирнов 2019^a – Смирнов А.В. Процессуальная логика и ее обоснование // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 5–17.

Смирнов 2019^b – Смирнов А.В. Мыслить значит разворачивать связность // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 48–60.

Voprosy filosofii. 2019. Vol. 6. P. 34–39

Postmodern Arabesque

Nataliya A. Orlova

The paper presents an interpretation of the academician A.V. Smirnov' publication “Process Logic and Its Justification” as a complex postmodern text based on the composition of various metalogical techniques: allegory, paradox, irony, phantasm, provocation and prophecy.

KEY WORDS: postmodern text, syllogism, metalogism.

ORLOVA Nataliya A. – Moscow Institute of Physics and Technology (NRU), 9, Institutsky lane, Dolgoprudny, Moscow region, 141701, Russian Federation.

CSc in Philosophy, Head of the Department of Socio-Political Sciences, Teaching and Research Center of Humanities and Social Sciences, Moscow Institute of Physics and Technology (NRU); Senior Researcher of Institute of Oriental Studies of RAS.

ornatanew@gmail.com

Received on April 28, 2019.

Citation: Orlova, Nataliya A. (2019) “Postmodern Arabesque”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6(2019), pp. 34–39 (in Russian).

DOI: 10.31857/S004287440005335-3

References

Avelichev, Alexander K., ed. (1986) *General rhetoric*, Progress, Moscow (in Russian).

Ivlev, Yuri V. (1994) *Logics*, Nauka, Moscow (in Russian).

Smirnov, Andrey V. (2019) “Is a process-based logic possible?”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 5–17 (in Russian).

Smirnov, Andrey V. (2019) “Mind is a Capacity to Develop an Epistemic Chain”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 48–60 (in Russian).